

ЦВЕТ ИЗМЯТОГО СЧАСТЬЯ

* * *

Узкоколейки,
ельники,
прудики в тине —
так ты рассказывал мне,
вздыхая на лампу,
ещё про небо
уральское,
будто из дерматина,
ступавшее ночью
по крышам
шатунией лапой.
И ты
всё так же печёшь
картошку по-липовски,
просишь меня не пить,
мол,
«к нутру не прилепится»;
горки кудрявые,
дичка,
станичные вьпаски —
такая вот
милая русская
разнелепица.
И, между всеми
полковниками и траншеями,
снился мне велик
в лиловой
обкоцанной краске,
«Таинственный остров»,
крестик
на бурой шее,
слишаившийся камыш

и чёрная леска
в ряске.
Под робой хранишь
винтовки мои
из дерева,
и тихо картавишь
молитву
на лик Божьей Матери,
после —
в историях,
зайца тропишь у ерика,
упоминаешь:
«твой дед...»,
а я
поправляю:
«батя».

* * *

Ливни дырявят снег —
здесь в ноябре только так;
сиди себе в хате да скалься
чёрной тоской на ветошь,
смотри,
как сосед тушит «приму»,
бычком отбивая такт,
и вваливается в дверь,
похнюпый,
голодный до света;
к утру
сутулая «волга»
разрежет просёлок фарами,
брюхатые тучи
из серого

выцветут в канифольный,
мать
перехватит фартук,
густо пропахший варевом,
выйдет тихонько,
к кондитерке срежет
по полю,
курьер в синих кедах
смозолит землю творожную,
скуркует
в карман толстовки
разнеженную гаражность,
горько посмотрит
в хмарь
над слякотными таможнями:
снова этап,
отбой,
подствольная чернь,
фуражки,
а дальше —
всё тот же крест, —
пазик, промзона, болванки,
дворóвые дети в сапожках
цвета измятого счастья,
хворые тропки,
молитвослов
и сбитня полбанки,
противогазная сумка,
обрыдлость
воинской части,
пацан,
нутрянку проспоровивший
глухонемому шкалику,
пашни
чернявые, взбухшие
гансами да мишелями,
храм поселковый,
продрогший
под зимними шквалами,
цинковый друг,
в красно солнышко
зашизеленный.

* * *

Братиш,
не боись —
уже не к лицу стрематься,
пусть

Север и мажет тебе
прищур перестылый,
как юнкеру-марковцу
перед расстрелом
на Святцы
нагановой воронью
дышит
в прозябший затылок;
пусть
всё тут прогоркло,
да едкой махрой
перемерено,
заклеймленó кирзой,
списано
да разворовано,
и под станицей
ни хаты,
ни сынки,
ни дерева,
глазки у взводных
косы,
ощетинены брёвнами;
пусть
небо малюет
тебя распоясанным, пуганным,
малюет
на триптихе
спичечным унтером Гришей —
чертило игрушкой,
да только
зенки не пуговики,
чертило лучинкой,
да только
сломать
не вышло.

* * *

жечь себя, жечь до победы,
покуда мотаает счётчик,
покуда не вжарят по фазе
прогретые «двести двадцать»;
жечь сбитый кадык о клыкастость
чужой заточки,
жечь, всхлипнув под ноздри:
«я не умею бояться».

жечь до тех пор,
покуда не примут причастником,

жечь, пока не подхватят
 ангелы винтокрылые;
жечь, не смотрясь в циферблатах
 моднявых часиков,
жечь, пока небово брюхо «сарматы»
 не вскрыли.

жечь, молча кивая
 на óтческое «staywithme»;
жечь тем пареньком,
 что купил в военторге «горку»,
жечь той девчонкой,
 что шлёт ему в Марьинку письма.

жечь, поддавая в гланды
 горячую горькую,

P.S. Знатокам современной поэзии будет не лишне узнать, что автор этой подборки стихов— внук выдающегося воронежца Алексея Прасолова (1930 – 1972), чья отнюдь не «тихая», а трагическая лирика была и остаётся в золотой копилке русской литературы. Помните?

***Я хочу, чтобы ты увидела:
За горой, вдалеке, на краю
Солнце сплющилось, как от удара
О вечернюю землю мою...***